

Кругозор

3

1965

Андрэ ВЮРМСЕР,
французский публицист

ТРИЖДЫ РОЖДЕННАЯ

Приходилось ли кому-нибудь видеть то, что однажды предстало передо мной: народ вторично завоевывает свой национальный гимн?

В дни моего детства «Марсельеза» была отведена роль дежурной мелодии, звучавшей на крестьянских ярмарках или провинциальных конкурсах. Привычная, она неизбежно венчала последний аккорд высокопарных фраз, произнесенных господином мэром или господином президентом — будь то президент республики или президент комитета по организации местного праздника. Да, это был наш государственный гимн. Когда какой-нибудь суверен приезжал в Париж с официальным визитом, «Марсельеза» следовала за очередным королевским гимном. Гимн принадлежал суверену, «Марсельеза» — тем, кто принимал его: чиновникам буржуазной республики. Это была «Марсельеза», которой забавлялись, пародируя ее на эстрадах кафе...

(Продолжение на 4-й странице.)

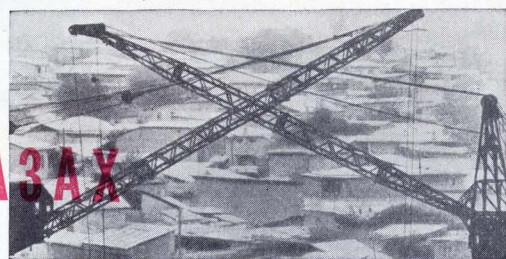

СОЛНЦЕ МНОЖИТСЯ В ГЛАЗАХ

В. КРУПИН

Фото Г. Зельмы,
Вс. Тарасевича

Как известно, Ташкент — город хлебный. Я бы уточнил: и хлебо-солный. Это хорошо знают гости Ташкента. А их немало. Кто прилетел по делу, кто — к родным, а кто — туристом. Восточ-

ная мудрость утверждает, что город начинается с базара, — туда и спешат вновь прибывшие.

— Мед! Мед, а не дыня!

— Кто забыл? Кто забыл сладкие персики?!

— Наманганские яблоки! Как в песне и даже лучше.

Глаза ломит от пестроты красок.

Тюбетейки и халаты — это народ постарше. Женские платья

из хан-атласа, но европейского покроя. И, разумеется, узкие черные брюки — это студенты.

А мой спутник, французский журналист, непременно хотел увидеть паранджу и сфотографировать ее. Так сказать, для экзотики.

Целый час мы жарились на солнце, пока не встретили пожилую женщину, закрытую покрывалом.

Мой коллега приготовился к съемке, но в видеискателе его аппарата мелькали другие — молодые, открытые лица. Фотограф прозевал удобный момент и махнул безнадежно рукой.

Как и всякого истинного француза, его особенно интересовали женщины; как журналист, он, ес-

тественно, интересовался не только их нарядами и красотой. Обстоятельства сложились так, что сначала его принял председатель Верховного суда республики, потом президент Торговой палаты, наконец, заместитель министра просвещения: женщина, женщина и снова женщина.

— Полвека назад проводилась перепись, — рассказывала заместитель министра. — Оценивая ее итоги, журнал «Вестник воспита-

ния» пришел к выводу, что для ликвидации неграмотности в средней Азии потребуется 4600 лет.

— А теперь?

— В народе говорят так: раньше у нас был один грамотный — мулла, теперь у нас один неграмотный — мулла...

Такова сегодняшняя «экзотика» Ташкента. Глиняные дувалы? Они еще есть. Но, между прочим, есть здесь и видеотелефон. И, говоря

с Бухарой, Ферганой или Андижаном, вы можете лицезреть своего собеседника. Ослик и дедушка? Вот и они. Конечно, на ослике далеко не уедешь. Зато экскаваторы и механизмы ташкентского производства едут далеко — в 50 стран мира.

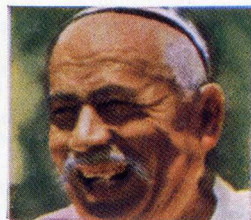
Ташкент. Город, где остались мои друзья. Тихая улица Двенадцати тополей — улица, отмечающая свое столетие. Говорливый канал Анхор, поилец

Состязаются Насреддины

Виктор
ГОРОХОВ

Фото
К. Кадырова

города. И, конечно же, солнце. Солнце, которое воскресает и множится в зернах граната и которое плавит пленку в кармане неосторожного репортера. Мне кажутся тяжелыми ботинки, к которым пристала жаркая дорожная пыль. Я почти физически ощущаю горечь поговорки: «Почва этой земли тяжела». Тяжела для того, кто ходил по ней и уезжает. Поэтому радостно возвращение.

Даже сам Ходжа Насреддин, мудрейший из весельчаков и остроумнейший из мудрецов, не ответит тебе, читатель, когда под небом Ферганы родилась эта веселая традиция. Она вечна, как раскаленное солнце, как мног шумные города, утонувшие в зеленых садах, как горы с вознесенными за облака ледяными потоками.

Состязания острословов происходят и в наши дни, когда древняя основа на ткацком станке времени чудесно сплетается с современным сюжетом, когда котел для плова и атомный котел отлично соседствуют на одной ташкентской улице.

Следуя стилю древних писателей, мы предлагаем тебе развернуть ковер своего воображения на помосте звуков. Садись, смотри и слушай. Первая звуковая страница поведет тебя в солнечную Фергану, где принято начинать и кончать трудовой день шуткой. Сегодня здесь состоится удивительное состязание в остроумии — аския.

(Окончание. Начало на 2-й странице обложки.)

Позднее «Марсельезу» постигла еще более печальная участь: под ее звуки министры, банкиры и генералы, выстроившись перед памятником погибшим (надо сказать, что таких памятников понастроили везде, один уродливее другого), произносили бессмысленные слова в так называемую честь мучеников империалистической войны.

Слова этой песни были так залеплены грязью и кровью, что «Марсельезу» могли отныне петь лишь неискушенные школьники или отщепенцы. Народ пел другую французскую песню — «Интернационал».

Время шло. Геринг поджег рейхстаг. Его поджигатели во Франции попытались поджечь

ТРИЖДЫ РОЖДЕННАЯ

Палату депутатов. Глубины французского народа начал прорезать луч света, там бурлило глухое недовольство, выплеснувшееся потом в лозунг единства и песню победы. Тогда родилось единство действий социалистов и коммунистов, родилось единство профсоюзного движения, родился Народный фронт. Коммунисты были лучшими его строителями. Но чем увенчались бы их усилия, если бы они не выражали воли французского народа?

Волна, которой предстояло захлестнуть всех, захлестнула и меня. 14 июля 1935 года, в день национального праздника — годовщины взятия Бастилии, — я утром присутствовал на заседании Народного фронта. Делегаты заняли места на трибунах велодрома. Жак Дюкло говорил речь. Осторожно, раз, потом другой, он процитировал строку из «Марсельезы», предваряя это словами: «Как поется в нашей «Марсельезе»... Как говорится в бессмертной песне наших отцов «Марсельезе»...» И каждый раз он с надеждой ждал. Трибуны безмолвовали... И тогда председатель Лиги прав человека Эмиль Кан сорвался с места, бросился к микрофону и закричал: «Граждане, вы слышали, что сказал Жак Дюкло?» И начал петь: «Вперед, дети отечества...»

В жизни своей я не слышал ничего, менее похожего на первые такты «Марсельезы»: Эмиль Кан пел вдохновенно, но при полном отсутствии музыкального слуха.

Двое моих приятелей и я начали подпевать: «Вперед, дети отечества...» Мы пели под обращенными на нас взглядами, исполненными удивления и презрения. Двумя рядами ниже руководитель социал-демократической федерации Сены и Уазы величественным и многозначительным жестом нагнул на голову шляпу, демонстрируя таким образом свое нежелание иметь к нам какое бы то ни было отношение. Мы потерпели полный крах. Правда, всего лишь на несколько часов, так как слияние нашей мысли с духом народа Парижа вскоре восторжествовало.

Расцвеченная флагами демонстрация начала свое шествие от площади Бастилии к площади Нации. Это было зрелище, поражающее удивительным сочетанием взрывной силы и привычки. Всякий раз, когда манифестанты, певшие какую-нибудь революционную песню — «Молодую гвардию», «Карманьолю» или «Славу 17-му», — проходили мимо обелиска Свободы, люди подымали глаза, разворачивали трехцветные флаги и, быть может безотчетно, запевали: «Вперед, дети отечества...» Многие плохо знали слова этой песни, но припев — «К оружию, граждане!» — подобно могучему орудийному залпу, исторгался из людских сердец.

Дело было сделано. С тех пор народ уже не переставал петь свою «Марсельезу». Во время манифестации перед войной, во время войны — под винтовочными дулами палачей, после войны. Ни одно собрание коммунистов, которое, по выражению Мориса Тореза, «осемено красным и трехцветным флагами», не проходит без того, чтобы его участники не спели «Марсельезу» и «Интернационал».

«Марсельеза» вновь стала зовом той, которая рвется в мир из каменного барельефа Рюда на Триумфальной арке, — зовом Республики.

«Марсельезе» было суждено еще одно рождение. Прослушайте вторую звуковую страницу.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

«Марсельеза» всегда сопутствовала победам Французской революции. Недаром с трибуны Конвента генералы требовали взять песню Руже де Лилля на вооружение армии. И Конвент внял их голосу. Первое издание «Марсельезы» было отпечатано в ста тысячах экземпляров — тираж для того времени огромный. Один генерал провозглашал: «Дайте мне тысячу человек или одну страничку с нотами «Марсельезы». Другой заявлял: «Без «Марсельезы» мои солдаты будут драться один против двух; с «Марсельезой» я буду воевать один против четырех». Третий восклицал: «Я выиграл битву — «Марсельеза» сражалась рядом!»

Фредерик РОБЕР

П а р и ж

Я работаю волшебником

Фото Л. Устинова

ВСЛУШАЙТЕСЬ В МУСОРГСКОГО

Георгий СВИРИДОВ

«ТОНЧАЙШИЕ ЧЕРТЫ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ МАСС... — ВОТ НАСТОЯЩЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ХУДОЖНИКА!»

Мусоргский

Это не просто музыка — «Борис Годунов» и «Хованщина», «Песни и пляски смерти», «Картины с выставки». Это взгляд на русскую историю, на судьбу своего народа. Это огромный духовный мир художника, создавшего галерею национальных русских образов, потрясающе правдивых и в высокой трагедии, и в лирике, и в музыкально-сатирическом памфлете.

Мусоргский для меня фигура такого же масштаба, как Софокл, Шекспир или Лев Толстой.

Он не просто писал красивые мелодии, а старался воспроизвести живую человеческую речь, добиваясь неразрывной, органической связи музыки и слова. В этой правде человеческой речи, правде человеческих характеров и заключена огромная сила его творчества.

Музыка Мусоргского с трудом пробивала себе

дорогу: оперы его при жизни почти не ставились, песни исполнялись только энтузиастами или самим композитором в кругу друзей; люди не сразу поняли, что хотел сказать им великий художник. Но именно Мусоргский воздействовал духом своим на последующие поколения.

Вся современная музыка, а особенно советская, черпает из его творчества больше, чем у любого другого композитора XIX столетия. Иногда даже не верится, что Мусоргский — классик, прошлое, — настолько современно звучит он сейчас.

Горячий, взволнованный отклик объясняется, я думаю, тем, что люди получают не только эстетическое удовольствие от его музыки, но и находят ответ на волнующие их мысли.

Не так давно прошел первый Всесоюзный конкурс певцов имени Мусоргского, в котором уча-

ЖУРАВЛИНАЯ ГЕОМЕТРИЯ

Рассказ

Я бываю здесь весной. Каждую весну. Я знаю, как все здесь будет.

Сперва зацветут миндальные деревья — белым и розовым. На деревьях сохранились раскрытые пустые створки: оттуда осенью выпали спелые орехи. Створки остались и теперь — они среди цветов.

Но иногда и весной из них выпадают орехи, старые, случайные.

Пальмы и кусты лимонов стоят в парусиновых плащах, укрытые еще с зимы. Зацветают самшиты — летит с них желтая пыльца. Зацветают абрикосы — розовым, как миндаль. Сливы и гру-

Михаил
КОРШУНОВ

ши — белым, как миндаль. Зацветают каштаны, сирень, лавровишня, мушмула.

Разогреются персики. Вспыхнут тюльпаны. Закипят черешни. Тихо и крупно откроется айва. Снимут плащи лимоны и пальмы.

С моря накатываются на берег облака туманов. И тогда в тумане повисают цветущие деревья без самих деревьев. Желтые лимоны — без самих кустов лимонов. Сирень — без кустов сирени. Пальмы — без пальм, одни листья.

А вечером повисают в тумане неоновые вывески на домах без

Голоса победителей конкурса вы услышите на пятой звуковой странице.

На снимках: Валентина Афанасьева из Челябинска, ленинградский певец Игорь Ново-лошников, Борис Мазун — солист филармонии в Новосибирске.

Фото Л. Лазарева

На дебаркадере

Вадим КУЗНЕЦОВ

Дебаркадер гудит
Не от ветра и качки —
Это пляшут на нем
Молодые рыбацки,
Пляшут в робах своих —
Видно, прямо с работы.
И на лицах у них
Ни тревог, ни заботы.
Ах, рыбацки мои!
Нелегка ваша доля,
На ладонях у вас
Кровяные мозоли.
На губах ваших соль,
Как алмазные искры,
А в сердцах ваших боль
За любимых и близких,
Что свои корабли
Уведут на рассвете...
Ах, девчонки мои,
Пусть надежда вам светит!
Ах, рыбацки мои,
Пусть вам светит удача!
Пусть из вас ни одна
Никогда не заплачет!
Пусть из вас ни одна
Не окажется вдовой!..
Ходит чья-то жена,
Ходит в пляске бедовой.
Рассыпает баян
Голубыми басами,
И дрожит океан
Под ее каблуками,

г. Магадан

ствовало более девяноста человек из многих городов и республик страны. Не все стали лауреатами, но я считаю, что каждый из молодых участников — победитель, победитель в искусстве, как и сама музыка Мусоргского.

самых домов. Фонари на столбах — без столбов. Огни кораблей в порту — без кораблей. Огонь маяка — без башни маяка. Огни автомобилей — без автомобилей. Иногда ветер делает в тумане промону, и тогда покажутся собственноручно дома, столбы уличных фонарей, корабли, башня маяка, автомобили.

Но ветер пропал, затих, и опять туман.

Пахнет туман грушевым и черешневым цветом, абрикосами и персиками. Туман — это море, которое остыло за зиму и теперь на-

гревается. И в море идет цветение: на оголенном зимними штормами дне зацветают водоросли.

...В тот вечер я стоял на берегу. Здесь рядом две весны: весна моря и весна земли. Был туман, и было тихо. И в этой тишине, где-то над туманом, летели журавли. Летела еще одна весна: весна птиц.

Я стоял на берегу и слушал эту третью весну. Она летела из-за моря, оттуда, где Турция, а еще дальше — Африка. Журавли возвращались домой, и я знал, что стою и слышу их дома первым.

Они летели над сливами и черешнями, над персиками и абрикосами, над неоновыми вывесками на домах без домов, над фонарями на столбах без столбов, над огнями кораблей в порту без кораблей, над огнем маяка без башни маяка, над огнями автомобилей без автомобилей.

Иногда ветер делал в тумане промону, и тогда в ночном небе, подсвеченном звездами и луной, я их видел. Они летели по своей журавлиной геометрии.

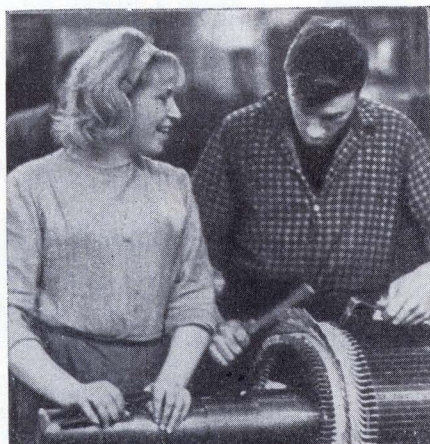
Я стоял там, где две весны. А надо мной летела третья весна,

ЗАВОД

ИЛЬЧА

С. ЗИНИН
Фото автора

И на этом заводе блеск металла вьедается вечной голубизной в ладони токарей. И когда кувалда парового молота рушится на раскаленный металл и кузнец кричит машинисту: «Бей! Бей!», — тот скорее по движению губ распознает команду и легкой рукояткой бросает тысячекилограммовые удары на металл, чтобы превратить огонь железа в чеканную законченность деталей, и как на любом заводе, тяжелая окалина брызжет в брезентовый фартук и нестерпимый жар обдаёт лицо...

Утром стенка на стенку идут снабженцы и работники склада: «Надо выбирать все лимиты сырья сразу: вдруг потом чего-нибудь не хватит?» — «А вдруг снимут с производства изделие? И так было уже не раз! Куда вы денете это сырье, которое в январе завозите на целый год, — в утиль?»

А где-то рядом в коридоре, так и не дойдя до комитета комсомола, собирается летучее бюро с одним вопросом в повестке: «Завтра Володька из одиннадцатого цеха женится, где достать цветы?» Три минуты. Двадцать предложений. Одно поручение и — «разбежались?»... Разбежались по цехам, конструкторским бюро, лабораториям, мастерским.

А в заводоуправлении совещание по качеству. Шумит директор. И дружно на директора наступают три товарища из цеха. Рождаются истины.

Из проходной вызывают токаря, который еще и депутат городского Совета. Парень, весь горячий, обтирая ветошью руки, выскакивает в проходную, слушает, взрывается, а потом две недели звонит по телефону, просит, требует. И в трудовой книжке у незнакомого раньше ему человека перед словом «сварщик» появляются четыре буквы «газо», которые давным-давно, в войну, в спешке не написала семнадцатилетняя нормировщица. Четыре буквы, очень важные для пенсионера.

— Рабочий долг. Депутатский мой долг. Как и везде. Как на любом заводе.

А перед проходной стоит гранитный Ленин. Есть здесь рабочие, которые помнят шутку, улыбку, рукопожатие Ильича.

Они помнят, как гнал черный рольс-ройс на бешеной скорости шофер Гиль.

Бывший завод Михельсона. Электромеханический завод имени Владимира Ильича.

Гранитный Ленин встал у проходной. Кажется, вслушивается Ильич в симфонию завода.

В объективе нашего корреспондента:

«Бей!» — и рушится лавина молота.

Володя Андреев в конце смены: «Заклепали полторы нормы, айда, парни, гонять шайбу!»

Два брата Моржаковы — одна токарская наука. Одни в гремящем цехе...

Укладка обмотки. «Не торопись, Надя», — говорит Александра Васильевна Семина Наде Михайловой.

А за всем этим в конечном счете — электромоторы, агрегаты, план. План, который обычно в начале декабря становится прошлогодним.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЛУЧИ ПЛАНЕТЫ

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЛУЧИ ПЛАНЕТЫ

Впервые я увидел и услышал Иованну в таверне «Старые Афины» у подножия Акрополя. На сцену вышла стройная улыбающаяся девушка. Зазвучал нежный глубокий голос. Иованна пела о любимом городе, о пробуждающейся любви. Для такого голоса, конечно, нужны большие и светлые залы.

Но, к сожалению, в Афинах сольные выступления эстрадных певцов в концертных залах бывают редко, и Иованне приходится ежедневно петь в ночных тавернах. Под низким потолком висят тучи табачного дыма. А Иованна поет о своем... Даже не зная языка, понимаешь, о чем она рассказывает.

Иованна пришла на эстраду несколько лет назад, окончив Афинскую консерваторию, а сейчас она одна из самых любимых исполнительниц современных песен не только в Греции. Пластинки с ее записями путешествуют по многим странам. Путешествует и сама Иованна. Дважды была она в нашей гостевой.

И может, сейчас Иованна спешит на концерт, чтобы петь об Афинах и подмосковных вечерах...

Николай БРАГИН

Афины

Слушайте шестую звуковую страницу.

кстати. Годы войны, блокадная ленинградская зима. В затемненные, перечеркнутые бумажными полосками окна постучался «Вечер на рейде». Грустным был напев. Да, но какой всеильной надеждой была пронизана грусть! Песню подхватили в осажденном Севастополе, ее запели партизаны на свои нехитрые слова:

Споете, друзья, про битвы свои
В отряде лихих партизан...

А в горном краю пели:

Прощай, любимый город,
Уходим завтра в горы...

И уже после войны стало известно, что мелодию советского компо-

О первом блине

Знакомая фамилия, подобная мажорному аккорду: Соловьев-Седой. Песня придана этому веселому, открытому добрым чувствам человеку, как черта характера, как своеобразное удостоверение личности. Трудно представить, что первое сочинение композитора было неудачным. Ноты «Песни о станке» нигде не сохранились, и сам Соловьев-Седой этому очень рад.

— Печь блины лучше, начиная сразу со второго, — смеется Василий Павлович. — Или же, приступая к первому, будьте строги и требовательны к себе.

Своей первой настоящей работой композитор считает песню «Мой конь буланый».

Как Соловьев стал Седым

Вася Соловьев жил в Питере, когда свершился Октябрь. С дворянским сыном стала заниматься учительница музыки. В самодеятельном кружке на Невском, 139, не пели и не танцевали без Васи Соловьева.

На экзаменах в музыкальное училище абитуриенты предстали с толстыми связками своих сочинений. Один Соловьев растерянно топтался на месте:

— Я не умею записывать свою музыку.

— А есть у вас своя?
Он наклонил лобастую голову:
— Кое-что имеется.

Тогда ему предложили симпро-визировать марш, крайние разделы которого шли бы в миноре, а средний — в мажоре. Он сел за рояль. Строгие экзаменаторы заулыбались: парень играл свое, свежее, но в соответствии с заданием. Так попал он в класс композиции к замечательному педагогу профессору Рязанову. В те же годы написал первые сочинения. У начинающего композитора появился псевдоним «Седой».

Почему же песня?

Разве это объяснить? Может быть, потому, что с детства поселилась она в его душе. А может, и потому, что песен требовала жизнь.

Мелодиям Соловьева-Седого суждено светлое долголетие: появлялись они, как говорится, всегда

зителя распевали (тоже на свои слова) участники итальянского Сопротивления.

И первая песня о Васе Крючине тоже была «кстати». И «Подмосковные вечера», «Если бы парни всей земли...» — подскажут читатели.

И. КНЯЗЕВА,
Л. МАГРАЧЕВ

Фото В. Якобсона

Как работает композитор? Какое место в творчестве он отводит труду, какое — вдохновению? Эти вопросы радиожурналист Л. Маграчев задал Василию Павловичу Соловьеву-Седому.

ЗА КОРМОЙ — ЧИСТО

Капитан Немо назвал «Наутилус» «подвижный в подвижном». Старшина второй статьи Дегтярев в стихе для корабельной стенгазеты назвал свой ракетный корабль «грозный в стремительном». Это, по-моему, предельно точно. Впрочем, в точности я убедился, когда прозвучал доклад: «За бортами и кормой — чисто», и ракетник уверенно, как хозяин океана, пошел к черте горизонта, легко отодвигая кафельные плитки льда.

Ю. ВИЗБОР
Фото К. Куличенко

ГРОЗНЫЙ В СТРЕМИТЕЛЬНОМ

ПЕСНЯ-РЕПОРТАЖ

ГЛАВНАЯ КНОПКА

Еще до приезда на ракетный корабль я думал, что где-то здесь, окруженная броней, защищенная от всяких случайностей, есть та Главная кнопка — контакт, замыкающий электрическую цепь. Она освобождает ракету, и огромный снаряд, несущий невероятную разрушительную силу, устремляется к далекой невидимой цели.

Я обошел весь корабль. Видел множество кнопок, систем, пультов, рычагов, ручек. Все они очень важные, но не главные; все в подчинении у той, Главной кнопки. Она была смонтирована на небольшом пульте ракетной стрельбы, установленном в боевой рубке. Кнопка заключена в черную резиновую оболочку. Под ней значилось только одно слово: «Пуск».

— Можно нажать эту кнопку? — спросил я офицера.

— Сейчас можно.

— А ничего не случится?

(Зачем я ввязался в этот разговор? Какое мальчишество!)

— Ничего.

Отступать было неловко. Я немного помедлил и все-таки нажал кнопку.

Ничего не случилось. Корабль все так же бесшумно и стремительно, как яхта, шел в район стрельбы.

На рассвете, усиленная корабельными мегафонами, прозвучала команда. За несколько секунд произведено действие, в которое тысячи людей вложили свой талант, опыт, труд.

На корабле тишина. Все ждут. Почти никто не разговаривает.

«Цель поражена, — флегматично докладывает радист с далекого морского полигона. — Оценка — отлично». Командир тушит папиросу.

ОКЕАНСКИЙ ПЕРЕКРЕСТОК

По пути на базу нам встретился небольшой рыбацкий сейнер. Рыбаки, выскочив на палубу, что-то кричали нам. Один из них показал поднятый палец: дескать, здорово! Очевидно, они впервые видели ракетный корабль.

Вскоре сейнер превратился в маленькую точку, а тонкий след от его винта слился с широким и могучим следом от винтов ракетного корабля. Мне показалось это символичным. Для них, вот для этих ребят с сейнера, для их семей, детей, домов и существует наш могучий флот и ракетный корабль. «Грозный в стремительном», как справедливо нарек его старшина второй статьи Дегтярев.

Н-ское подразделение ракетных кораблей.

Ф. КРИВИН

Неначатые рассказы

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ПРИМЕР

— ...вот, например, ложка: она ведь тоже не всегда бывает в своей тарелке, но это не мешает ей работать с полной отдачей.

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

— ...но — ох, и до чего же трудно быть изюминкой! Особенно в ящике с изюмом.

СВОЕ МНЕНИЕ

...наконец и Воробей смог высказать свое мнение.

— Чик-чирик, — сказал Воробей. — Чик. Чирик. Этого — чик! Этого — чирик! А чего с ними чикаться!

МЫС

— ...я так окружен водой... Меня даже можно назвать полуостровом... Но если вам все равно, зовите меня полуко́нтинентом...

ДИНАСТИЯ КАРОЛИНГОВ

...но ведь Карл Великий был сыном Пипина Короткого. Легко быть великим, имея такого отца.

КУХНЯ

...а писательская кухня — это самая обычная кухня, в которой днем варится суп, а ночью создаются бессмертные произведения.

г. Ужгород

Б. НИКОЛЬСКИЙ

Вы уверены, что Америку открыл Колумб? Ничего подобного. Ее открыли два безбилетных пассажира, плывшие на той же каравелле. «Позвольте, а как же история?» — недоумевал зритель. «Лучше посмотрите пьесу «Как короле сидело», — смеялись в ответ ее авторы Верих и Восновец. — «Колумб всю ночь старался поставить яйцо на острие и проворонил открытие. А два пассажира изменили курс «Санта-Марии» и напоролись на Америку».

Верих и Восновец — замечательные чешские комики, создатели театра, название которого говорило само за себя — «Освобожденный театр». На афишах были изображены два кантуса — один большой, круглый, другой тонкий, высокий, и оба колющие. В этом — намерение актеров: Верих — крупный, круглолицый, обаятельный; Восновец — высокий, стройный красавец. Они работали в стиле белого и рыжего клоунов, поворачивающих по-своему сюжет пьесы; без их озорного, едкого искусства невозможно представить чешскую сцену тридцатых годов.

Юлиус Фучик, постоянный зритель и рецензент спектаклей, писал: «Этот забавный театр веселит и радует. После его спектакля долго еще будет жить улыбка на твоём лице. Но — а в этом специфика театра — одновременно с весельем, именно благодаря ему, он разоблачает перед тобой все, что грозит твоей свободе. Разоблачает и предостерегает. В этом его политическая миссия».

Поднялся занавес нового «Закованного театра». Верих появился на сцене с сатирической одой «Адольф Некто».

У Д Ы Б К А Ш В Е И К А

Рискуя жизнью, артист разоблачал фашизм.

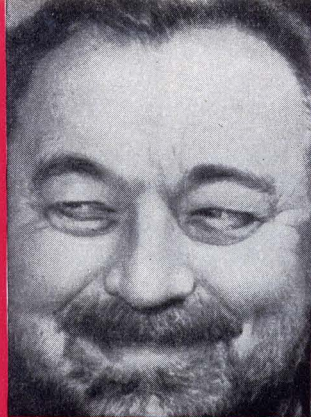
Чехословакия оккупирована, Верих вынужден покинуть родину. А песни его остались и звучали рядом с огненными словами Эрнста Буша.

Но не спешите называть Вериха «живой историей». Мастерство артиста разбирают на кафедрах институтов, его традиции живут на сцене и молодого театра «Семафор» и в куклах старейшего мастера Трнки. Он подмигивает вам с экранов. Ловко парирует реплику партнера, остроумно сбивает его с толку или, наоборот, подыгрывает ему. Вериху необходим вечный диалог — это у него как дыхание.

Однажды он подарил мне свою «фотографию» — рентгеновский снимок. Я смотрю на снимок, потом на добродушную физиономию Вериха: «Есть вообще-то сходство, но не очень...» Лицо Вериха расплывается в хитрую швейновскую улыбку, и он, довольный, произносит: «Ну, это старая фотография, на ней я молодо выгляжу».

В этом весь Верих — неожиданно находчивый на сцене и в жизни.

«Огромный талант, огромный актер с огромным обаянием». Так говорит о Яне Верихе его друг Аркадий Райкин на 10-й звуковой странице.

ТЕАТР КРУГОЗОРА

Егор ИСАЕВ

Говорить, а тем более писать о Есенине, объясняя Есенина, всегда трудно, поскольку даже самые искренние, самые что ни на есть заветные слова не смогут до конца раскрыть волшебство его строк. Слово о его стихах так же беспомощно, как слово о музыке.

Есенин никогда не сочинял, не писал о предмете и поверх предмета. Он чувствовал предмет, разогревал его своим сердцем, и предмет отдавал всю свою красоту, поэтическую энергию его перу,— звучал и говорил сам. Отсюда:

Отговорила роща золотая
Березовым веселым языком.

Талант, на мой взгляд, определяется степенью близости поэта — и не только поэта — к тому,

Читаешь сердцем

что его окружает. Чем ближе его сердце к сердцу другого человека, тем больше духовная отдача, тем выше талант. А сердце Есенина соприкасалось с сердцами многих и потому от имени многих и для многих говорило. Это уже больше, чем талант!

Даже когда читаешь Есенина с листа, все равно читаешь с сердца. Слова, как знаки, уходят за лист, а перед глазами встает то, что видел поэт — подлинник жизни, подлинник чувства и мысли поэта.

Видишь его мать «в старомодном, ветхом шушуне», рязанские, с санным посвистом проселки, Россию в березах и слезах, слышишь тревожное ржанье жеребенка и грохот колес нового, машинного века.

Сейчас поэту было бы семьдесят.

Слово Есенина, пронзительно-звонкое, светлое и тоскующее, будет всегда с нами и чуточку впереди нас.

Сергей Есенин. Редкий снимок.

ЭТО ЗВУЧИТ ВПЕРВЫЕ

1923 год был переломным в жизни Сергея Есенина. В стихах, написанных после заграничной поездки, поэт все чаще обращается к современной теме, пишет о новой, революционной России. Он отрывается от «непутевой жизни». Этим чувством пронизано написанное ранее стихотворение «Исповедь хулигана», говоря о котором, многие делали ударение, как правило, на втором слове в названии и не обращали внимания на первое. Есенин часто читал это стихотворение. Впервые воспроизводимая на звуковой странице «Кругозора» запись, при всем ее несовершенстве дает почувствовать, с какой искренностью и болью звучали слова есенинской «Исповеди». Позднее поэт напишет:

В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандальить.

Эти строки поэт посвятил артистке Камерного театра А. Л. Миклашевской. «В один из вечеров,— рассказывает она,— мы отправились с Есениным в мастерскую Коненкова. Обратно шли пешком. Он был счастливым, что вернулся домой, в Россию. Радовался всему, как ребенок...»

Л. ШИЛОВ

Д. САМОЙЛОВ

В деревне благодарен дому
И благодарен кровле, благодарен печке.
Особенно, когда деревья гнутся долу
И ветер гасит звезды, словно свечки.

Сверчку в деревне благодарен,
И фитилю, и керосину.
Особенно, когда пурга ударит
Во всю медвежью голосину.

Соседу благодарен и соседке,
Сторожевой собаке.
Особенно, когда луна сквозь ветки
Глядит во мраке.

И благодарен верному уму
И доброму письму в деревне.
Любви благодаренье — и всему,
Всему благодаренье!

Валентин СИДОРОВ

Мы открываем с каждым днем
Россию.
Я просекой идю, не торопясь.
Я вижу: пробуждаются росинки.
В них солнце повторяется, дробясь.

Россию — знаю — постигать
рискованно,
Лишь полагаясь на премудрость
книг.
В ее глазах есть что-то от
раскольников.
Я затерялся, заблудился в них.

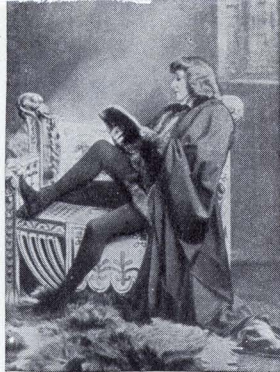
Ей чистота озерная поручена.
Ей прямота лукавить не велит.
Молчанием случайного попутчика
Она порой так много говорит.

Пишите стихи с утра,
С самого пробужденья,
Когда в глубине двора
Приемлют кончину тени.
Прохладою дышит восток.
Ясны очертания зданий.
И стебель,

и каждый листок
Прозрачен и первозданен.
Летит тополиный пух.
Бушуют зеленые выюги.
Высокие чистые звуки
Становятся зримыми вдруг.

На четвертой звуковой странице — лириче-
ские песни: «У омота», «Зимушка-зима».

На снимке: Сара Бернар в роли Гамлета.

ПРИНЦ ДАТСКИЙ — АКТРИСА ФРАНЦУЗСКАЯ

Первой исполнительницей роли Гамлета в кино была французская актриса Сара Бернар. Зрители увидели ее на экране в 1900 году на Всемирной выставке в Париже, где демонстрировалось «чудо века» — фонокинофильм. Посетителям выставки показывали небольшие картины в сопровождении голосов, записанных на фонографе.

Успехом пользовалась снятая на пленку сцена дуэли Гамлета и Лаэрта.

ПЕРВАЯ ЗАПИСЬ ОРКЕСТРА

В истории музыки много дат, больших и малых. Одна из них — 22 октября 1917 года. Филадельфийский оркестр под управлением Леопольда Стоковского давал концерт. Исполнялись два венгерских танца Брамса. Но если бы не одно событие, об этом концерте и не вспомнили бы. Концерт записывался на пластинку. До этого дня записывали лишь голоса вокалистов.

В РОЛИ ЛУНАЧАРСКОГО — ЛУНАЧАРСКИЙ

Первый нарком просвещения А. В. Луначарский, блестящий публицист, драматург, дипломат, был еще и актером. Когда в 1928 году Григорий Рошаль снимал фильм «Саламандра», он обратился к Анатолию Васильевичу с просьбой сыграть самого себя. Луначарский сделал это с блеском. Съемка проводилась прямо в рабочем кабинете наркома.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ

У этой девушки биография в несколько строк. Люся Савельева родилась в Ленинграде в блокадном 1942 году. Школа, хореографическое училище, увлечение искусством и поэзией, потом балетная труппа театра имени С. М. Кирова. Она танцевала с подружками в «Жизели», «Медном всаднике», «Лебедином озере». А дебют состоялся перед кинокамерой — в фильме «Война и мир», где Люся играет Наташу Ростову.

Девушка в амазонке скачет на белом коне по солнечной поляне — это сцена охоты, которая снималась под Каширой... Оживает старинный Петербург, так знакомый молодой ленинградке... Первый бал Наташи, знаменитая «Русская» у дядюшки, — здесь Савельевой пригодится ее хореографическая школа. И перед каждой съемкой перелистываются страницы романа, волнуется дебютантка: как все выйдет?

Фото Г. Тер-Ованесова

СЛОВО... ОТКУДА ОНО!

И. УРАЗОВ

Слово «хобби» не всегда существовало в международном лексиконе. Но всегда были увлечения, забавы, слабости. Математик Лобачевский был награжден медалью за успехи в садоводстве и сельском хозяйстве. Химика Бутлерова избрали президентом общества пчеловодов. Менделеев увлекался изготовлением чехмоданов, для которых создал особый клей; его знали и ценили чехмоданные мастера. Франклин Рузвельт имел самую большую коллекцию марок.

английском звучании, получило более широкий смысл. Есть и другие слова, означающие виды хобби. «Филателия» образовано от греческих «филео» — люблю и «алтелея» — свобода от подачей, военной службы, обязанности. Спор об этом слове велся много лет: считали, что оно неудачно. Но изменять его было поздно. Почти в наши дни собиратели спичечных этикеток стали филуменистами (латинское «люмен» — свет). Вероятно, вскоре появятся еще слова для самых невероятных коллекционеров — рабов хобби.

Слово «конек» ввел в язык английский писатель Лоуренс Стерн. У него «конек» — детская лошадка. «Хобби» — то же стерновское слово, но не в переводе, а в старом

Художник В. ЩАПОВ.

Технический редактор Л. Петрова.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

Адрес редакции: Москва, Пятницкая ул., 25.
Телефоны редакции: В 3-74-42; В 3-74-59.

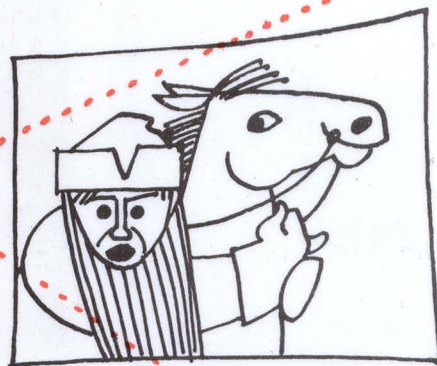
Б 03758. Подписано к печати 16/II 1965 г.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Бум. л. 0,5. Печ. л. 1.
Тираж 150 000 экз. Заказ 370. Цена 1 руб.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина

Окончив в 1918 году Театральную студию, я отправился на фронт с театром. И вот с тех пор сорок пять лет играю в театре и снимаюсь в кино. Работаю в Академическом Малом театре. В кино

первый раз на ЛОШАДИ

сыграно около восьмидесяти ролей. Называю только звуковые фильмы: «Путевка в жизнь», «Гроза», «Три товарища», «Выборгская сторона», «Степан Разин», «Медведь», «Петр Первый», «Ошибка инженера Кочина», «Богдан Хмельницкий», «Секретарь райкома», «Близнецы», «Иван Грозный», «Беспокойное хозяйство», «За тех, кто в море», «Анна на шее», «Девушка с гитарой», «Красные листья», «Каин XVIII».

А самый первый мой кинокадр, в который я въехал верхом на лошади, вам, наверное, знаком.

Это особая история...

Если не считать моих домашних представлений в детстве, а в них я точно и по возможности артистично старался передать первые поразившие мою фантазию картинки «живого экрана», которые я смотрел в синемафотографе «Чудо XX века», что помещался в Москве, на Самотечной площади; если не считать роли, иггранные в «руководимом» мною театре на заднем дворе, между сараями;

если не считать оперу Зимина, где утвердилось мое тяготение к театру и любовь к артистам, к их волшебной профессии — жить не только своей жизнью, но уметь жить на глазах у всех и так, чтобы этому верили, жизнью другого, совершенно чужого человека;

если не считать всего этого, что и заставило мое сердце выбрать спокойный путь актера,— все остальное довольно просто.

М. ЖАРОВ,
народный артист СССР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

СЛУШАЙТЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ:

1. Аския — состязание острословов.
2. «Марсельеза» сражалась рядом!»
- 3—4. Новые песни: «Талнах», «Я работаю волшебником», «У омута», «Зимушка-зима».
5. Победители конкурса имени Мусоргского.
6. Поэт Иованна: «Ты все для меня», «Дождь».
7. Завод Ильича. Звуковая новелла.
8. Ракетный часовой. Песня-репортаж Ю. Визбора.
9. Сколько песен у Соловьева-Седого.
10. Райкин о Верихе.
11. Сергей Есенин. Звуковое приложение к собранию сочинений.
12. Михаил Жаров: «Так всем скакаты!»

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
фирмой «Мелодия»
и Государственным
домом радиовещания
и звукозаписи.

Режиссер
Н. Субботин.

ИЗДАТЕЛЬ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ

Цена 1 руб.